

ИСТОРІЯ РОССІИ.

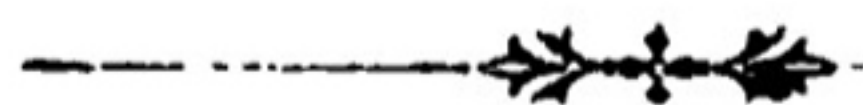
ILOVAISKII
= "ISTORIJA ROSSII. 3,"

соч. Д. ИЛОВАЙСКАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

МОСКОВСКО-ЦАРСКІЙ ПЕРІОДЪ

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ИЛИ XVI ВѢКЪ.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова. Б. Черн. пер., д. Пустошкина
противъ Азіатской церкви.

1890.

Гибель Ермака вѣнчанъ подтверждала, что онъ действительно былъ главнымъ двигателемъ и душою всего предпріятія. Когда вѣсть о ней достигла города Сибири, остававшаяся казачья дружина не только горько оплакала потерю своего вождя, но и тотчасъ рѣшила, что безъ него, при своей малочисленности, она не можетъ держаться посреди впадающихъ туземцевъ противъ Сибирскихъ татаръ, кобанившихся отъ нихъ главной грозой, т. е. отъ Ермака. Казаки и московскіе ратные люди, въ числѣ ихъ былое полуростомъ чужаковъ, немедленно покинули городъ Сибирь съ оруженными головами Иваномъ Гауловымъ и Матвѣемъ Мещеряковымъ, единственными оставшимися у нихъ изъ вѣтви вояжиновъ; дальнѣйшій сѣверный путьъ по Иртышу и Оби они отправлялись обратно на Кавказъ. Едва Русскіе очистили Сибирь, какъ Кучумъ послалъ сына Алая занять свой столичный городъ. Но онъ не долго здѣсь удержался. Выше мы видѣли, что казанскій Сибирскъ князь Табыгуша рода Едикеръ и братъ его Исабулатъ погибли въ борьбѣ съ Кучумомъ. Послѣ Исабулата остался младшій сынъ, по имени Сейдакъ. Онъ началъ убѣждать въ Букарѣ, выросъ тамъ и теперь началъ встѣпаться на отца и дѣда. Получивъ помощь отъ букарцевъ и киргизовъ, Сейдакъ возобновилъ борьбу съ Кучумомъ. Послѣдній былъ побѣжденъ; Алай возвратился въ Сибирь, и сей столичный городъ перешелъ въ руки Сейдака.

Такимъ образомъ татарское царство въ Сибирь было восстановлено, и завоеваніе Ермака казалось утраченнымъ. Но это только казалось. Русскіе уже узнали дорогу въ Сибирь, видѣли слабость, разнородность этого царства и его истинныя богатства; они уже считали его своимъ достояніемъ и не замедлили вернуться.

Ошибку Ивана IV, недостаточно оцѣнившаго трудное положеніе завоевателей въ Сибири, спѣшило исправить слѣдующее правительство Ѳедора Ивановича, которое отправляетъ туда одинъ отрядъ за другимъ. Еще не зная о гибели Ермака и уходѣ русской дружины изъ Сибири, московское правительство лѣтомъ 1585 года послало ей на помощь воеводу Ивана Мансурова съ сотнею стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей и — что особенно важно — съ пушкою. На этомъ походѣ съ нимъ соединился остатокъ первыхъ завоевателей съ атаманомъ Мещерякомъ. Найдя городъ Сибирь уже занятымъ Татарами, воевода проплылъ мимо, спустился по Иртышу до его впаденія въ Обь, остановился здѣсь на зимовку и поставилъ городокъ. Мѣстные народцы думали, что они уже избавились отъ русскаго подданства, и нисколько не желали подчиниться ему снова.

Приходилось вновь начинать дѣло покоренія; но на сей разъ оно пошло легче и быстрее съ помощью опыта и по проложеннымъ путямъ. Окрестные Остяки собрались вокругъ русскаго городка и попытались взять его; но были отбиты. Тогда, по словамъ лѣтописей, они принесли своего главнаго идола, пользовавшагося большимъ поклоненіемъ; поставили его подъ деревомъ и начали творить ему жертвы, прося помощи противъ христіанъ. Русскіе навели на него свою пушку; раздался выстрѣлъ, и дерево вмѣстѣ съ идоломъ было разбито въ щепы. Остяки въ страхѣ разсѣялись, и оставили Русскихъ въ покоѣ. Мало того, остяцкій князь Лугуй, который владѣлъ шестью городками по рѣкѣ Оби, первый изъ мѣстныхъ владѣтелей отправился въ Москву, гдѣ билъ челомъ, чтобы государь принялъ его въ число своихъ данниковъ и не велѣлъ воевать его своимъ ратнымъ людямъ, сидѣвшимъ на Усть-Иртышѣ. Съ нимъ обошлись ласково и наложили на него дань въ семь сороковъ лучшихъ соболей. Вслѣдъ за Мансуровымъ прибыли въ Сибирскую землю воеводы Сукинъ и Мясной и начали съ того, что на рѣкѣ Турѣ, на мѣстѣ стараго городка Чингія, построили крѣпость Тюмень и въ ней воздвигли христіанскій храмъ. А въ слѣдующемъ 1587 году, послѣ прибытія новыхъ подкрѣпленій, голова Данила Чулковъ отправился изъ Тюмени далѣе, спустился по Тоболу до его устья и здѣсь на высокомъ берегу Иртыша основалъ Тобольскъ, въ которомъ построилъ двѣ церкви; этотъ городъ вскорѣ сдѣлался средоточіемъ русскихъ владѣній въ Сибири, благодаря своему выгодному положенію въ узлѣ сибирскихъ рѣкъ, т. е. главныхъ путей сообщенія. Такимъ образомъ, вмѣсто далекихъ и трудныхъ походовъ первыхъ завоевателей, московское правительство и здѣсь употребило обычную свою систему: распространять и упрочивать свое владычество на окраинахъ постепеннымъ построеніемъ крѣпостей.

Тобольскъ явился неподалеку отъ прежняго средоточія Сибирскаго царства, т. е. отъ города Сибири. Такое сосѣдство сильно стѣснило татарскаго князя Сейдяка Бекбулатовича. Онъ попытался на открытую борьбу съ Русскими; собралъ сколько могъ войска и приступилъ къ Тобольску. Но выстрѣлами изъ пищалей и пушекъ Русскіе отразили приступы Татаръ; а потомъ сдѣлали вылазку и окончательно ихъ разбили; при чемъ самъ Сейдякъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Этотъ бой замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ палъ Матвѣй Мещерякъ, послѣдній изъ пяти извѣстныхъ атамановъ. По другому извѣстію, съ Сейдякомъ покончили инымъ способомъ. Будто-бы съ однимъ кир-

гизъ-кайсацкимъ царевичемъ и карачою, бывшимъ Кучумовымъ вельможею, теперь перешедшимъ на сторону Сейдяка, сей послѣдній задумалъ захватить Тобольскъ хитростью; для чего пришелъ съ 500 человекъ и расположился на лугу подлѣ города, подъ предлогомъ охоты. Догадываясь о его замыслѣ, Чулковъ притворился его пріятелемъ и пригласилъ его въ гости, а также для переговоровъ о мирѣ. Сейдякъ съ царевичемъ и карачою вошелъ въ городъ въ сопровожденіи сотни своихъ Татаръ, которыхъ однако Русскіе при въѣздѣ въ городъ обезоружили. Во время пиршества, когда воевода пригласилъ своихъ гостей выпить за здоровье государя, тѣ будто-бы стали пить и поперхнулись. Тогда воевода объявилъ, что у нихъ на умѣ недобрый замыселъ, и велѣлъ ихъ схватить. Послѣ чего они были отправлены въ Москву, въ 1588 году. (Полагаютъ, что упомянутый здѣсь киргизскій салтанъ или царевичъ былъ не кто иной какъ Уразъ-Мухамедъ, который потомъ, въ царствованіе Бориса Годунова, посаженъ ханомъ въ Касимовѣ). Послѣ того стольный татарскій городъ Сибирь былъ оставленъ Татарами и мало-помалу запустѣлъ.

Покончивъ съ Сейдякомъ, русскіе воеводы принялись за Кучума, который оставался еще на свободѣ, кочевалъ въ Барабинской степи и оттуда продолжалъ своими нападеніями тревожить Русскихъ, упорно не признавая ихъ владычества въ своемъ бывшемъ ханствѣ. Онъ получалъ помощь отъ сосѣднихъ Ногаевъ, съ князьями которыхъ находился въ близкомъ свойствѣ, женивъ нѣкоторыхъ своихъ сыновей на ихъ дочеряхъ и выдавъ за нихъ собственныхъ дочерей. Къ нему же примкнула теперь и часть мурзъ осиротѣлаго Тайбугина улуса. Лѣтомъ 1591 года воевода князь Масальскій ходилъ въ Ишимскую степь близъ озера Чили-Кула, разбилъ Кучумовыхъ татаръ и взялъ въ плѣнъ его сына Абдулъ-Хаира. Но самъ Кучумъ спасся и потомъ продолжалъ свои разбойничьи набѣги. Чтобы обезопасить съ этой стороны русскія владѣнія и стѣснить движенія Кучума, въ 1594 году князь Андрей Елецкій съ сильнымъ отрядомъ двинулся вверхъ по Иртышу и близъ впаденія въ него рѣки Тары заложилъ городокъ, названный именемъ этой рѣки. Новый городъ очутился почти въ центрѣ той плодородной и хорошо орошенной степи, по которой кочевала орда Кучума, угрозами и насиліемъ собирая ясакъ съ татарскихъ волостей, расположенныхъ по Иртышу и уже присягнувшихъ на русское подданство. Городъ Тара дѣйствительно оказывалъ большую пользу въ борьбѣ съ нимъ. Отсюда

Русские неоднократно предпринимали противъ него поiski въ степи; били его татаръ, разоряли его улусы, перехватывали шедшихъ къ нему гонцовъ и торговцевъ, ногайскихъ и бухарскихъ, вступали въ сношенія съ его мурзами, которыхъ подарками и обѣщаніями льготъ переманивали въ наше подданство. При семъ воеводы не разъ посылали къ нему съ увѣщаніями, чтобы онъ прекратилъ свое сопротивленіе и покорился русскому государю, обнадеживая его царскими милостями. Отъ самого царя Федора Ивановича отправлена была къ нему увѣщательная грамота: она указывала на его безвыходное положеніе, на то, что два его сына въ плѣну, друзья его оставили, Сибирь покорена, что самъ Кучумъ сдѣлался бездомнымъ казакомъ, что государю стоитъ только послать на него свою большую рать, чтобы его уничтожить; но что государь готовъ все забыть, если Кучумъ явится въ Москву съ повинною; тогда въ награду ему даны будутъ города и волости, а если пожелаетъ, то и прежній его юрть, т. е. самая Сибирь. Плѣнный Абдулъ-Хаиръ, по внушенію московскаго правительства, также писалъ отцу и склонялъ его покориться, приводя въ примѣръ себя и брата Магметкула, которымъ государь пожаловалъ города и волости (въ кормленіе). Ничто однако не могло склонить упрямаго старика къ покорности. Въ своихъ отвѣтахъ онъ бьетъ челомъ Бѣлому царю, чтобы тотъ отдалъ ему назадъ Иртышскій берегъ, а воеводѣ русскихъ проситъ воротить ему одинъ конскій вьюкъ, захваченный ими вмѣстѣ съ шедшими къ нему послами: въ этомъ вьюкѣ находилось зелье для его больныхъ глазъ. Съ самаго прихода Ермака онъ борется съ Русскими и Сибири имъ не отдавалъ: сами взяли. Помириться онъ готовъ, но только «правдою» И къ этому онъ еще прибавляетъ наивную угрозу: «съ Ногаями я въ союзѣ, и если съ двухъ сторонъ станемъ, то плохо будетъ московскому владѣнію».

Рѣшили во что бы то ни стало покончить съ упрямымъ, беспокойнымъ старикомъ. Въ августѣ 1598 года воевода Воейковъ выступилъ изъ Тары въ Барабинскую степь съ отрядомъ въ 400 человекъ казаковъ и служилыхъ татаръ. Посланные впередъ лазутчики добыли языковъ (вѣстей), по которымъ узнали, что Кучумъ съ 500 своей орды ушелъ на верхнюю Обь, гдѣ у него посѣянъ хлѣбъ. Воейковъ шелъ день и ночь и 20 августа на зарѣ внезапно напалъ на Кучумово становище. Татары защищались отчаянно; но должны были уступить превосходству «огненнаго боя» и потерпѣли полное пораженіе; одни изъ нихъ пали въ битвѣ, дру-

гіе погибли въ рѣкѣ Оби во время бѣгства, третьи взяты въ плѣнъ и перебиты вслѣдствіе большаго ожесточенія ратныхъ людей: пощажены только нѣкоторые мурзы съ женами и семейство Кучума; тутъ было захвачено восемь его женъ, пять сыновей, нѣсколько дочерей и снохъ съ малыми дѣтьми. Самъ Кучумъ и на этотъ разъ спасся отъ плѣна: съ нѣсколькими вѣрными людьми онъ уплылъ въ лодкѣ внизъ по Оби. Воейковъ послалъ къ нему одного татарскаго сента съ новыми увѣщаніями покориться и ѣхать къ московскому государю. Сентъ нашелъ его гдѣ-то въ лѣсу на берегу Оби; при немъ были три сына и человѣкъ тридцать татаръ. «Если я не поѣхалъ къ московскому царю въ лучшее время—отвѣчалъ Кучумъ,—то поѣду ли теперь, когда я слѣпъ и глухъ, и нищій». Объ одномъ только старикъ горько сожалѣлъ: отняли у него любимаго сына, царевича Асманака. «Лучше бы у меня всѣхъ дѣтей взяли, да Асманака мнѣ оставили»—плакался онъ. Есть что-то внушающее нѣкоторое сочувствіе и уваженіе въ поведеніи этого стараго татарина, доходившаго до героизма въ своемъ непреклонномъ рѣшеніи жить и умереть вольнымъ человѣкомъ и, хотя бы только по имени, царемъ сибирскимъ. Конецъ его былъ жалкій. Скитаясь въ степяхъ верхняго Иртыша, потомокъ Чингизъ-хана существовалъ тѣмъ, что отгонялъ скотъ у сосѣднихъ Калмыковъ; спасаясь отъ ихъ мести, онъ убѣжалъ къ своимъ бывшимъ союзникамъ Ногаямъ и тамъ былъ убитъ. Съ его смертію русскія владѣнія въ Сибири избавились отъ своего непримиримаго врага. Межъ тѣмъ семейство его было отправлено въ Москву, куда прибыло уже въ царствованіе Бориса Ѳедоровича Годунова; оно имѣло торжественный въѣздъ въ столицу, на показъ народу, обласкано новымъ государемъ и потомъ разослано по разнымъ городамъ. Вообще въ Москвѣ съ великою радостію были встрѣчены извѣстія объ окончаніи борьбы съ Кучумомъ: въ столицѣ побѣда Воейкова была отпразднована съ молебствіемъ и колокольнымъ звономъ; а самъ онъ и его товарищи награждены золотыми и денежнымъ жалованьемъ. (72).

Во время этой борьбы съ Кучумомъ, московское правительство не теряло времени и продолжало закрѣплять за собой область рѣки Оби построеніемъ новыхъ городковъ и острожковъ. А именно, при Ѳедорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ явились еще слѣдующія укрѣпленныя поселенія: на лѣвомъ притоцѣ Тобола, на рѣкѣ Тавдѣ, при впаденіи въ нее Пелыма—Пелымъ, недалеко отъ впаденія Сосвы въ Обь—Березовъ, въ самыхъ низовьяхъ Оби—Обдорскъ, а

на среднемъ ея теченіи—Сургутъ, Нарымъ, Кетскій Острогъ (собственно на правомъ ея притокѣ Кети) и Томскъ (на правомъ же ея притокѣ Томи); на верхней Турѣ построено Верхотурье, сдѣлавшееся главнымъ пунктомъ на дорогѣ изъ Европейской Россіи въ Сибирь, а на среднемъ теченіи той же рѣки—Туринскъ; на рѣкѣ Тазѣ, впадающей въ восточную вѣтвь Обской губы—Мангазейскій острогъ. Всѣ эти городки и острожки снабжены были небольшими деревянными и земляными укрѣпленіями, весьма достаточными для того, чтобы держать въ страхѣ полудикихъ туземцевъ, въ особенности благодаря своимъ пушкамъ и пищалямъ. Гарнизонъ этихъ укрѣпленій составлялся обыкновенно изъ нѣсколькихъ десятковъ стрѣльцовъ, казаковъ и другихъ служилыхъ людей, переводимыхъ сюда изъ разныхъ мѣстъ сѣверной и восточной Россіи. Вслѣдъ за служилыми или ратными людьми, московское правительство переводило сюда и посадскихъ или торговыхъ людей, и пашенныхъ крестьянъ или земледѣльцевъ, которые заводили поселки вблизи городовъ. Служилымъ людямъ также по обычаю раздавались земельные участки и угодья, въ которыхъ они устраивали кое-какое хозяйство. Переводили и духовенство, такъ какъ въ каждомъ городкѣ обязательно воздвигались, хотя и небольшіе, деревянные храмы.

Всѣмъ надо отдать справедливость московскому правительству, работавшему съ напоромъ, оно уже и распорядилось было для русской колонизаціи, дѣла, въ которыхъ успѣло уже приобрести достаточную опытность при заведеніи пустынныхъ или въоруженныхъ областей на востокъ и югъ Европейской Россіи. Отправляя переселенцевъ, оно предоставляло областнымъ властямъ или мѣстнымъ обитателямъ снабжать ихъ необходимыми вещами, особенно едой, одеждой, т. е. лошадью, овцею, скотиной, гусей и куръ, муку, крупъ, толченую, рыбные, саломъ, солонки и, кромѣ того, дровами, такъ что переселенцы не только получали хорошаго начальнаго наряда, но и жили и не нуждались, чтобы немедленно заводить свое хозяйство. Высылались также и необходимые ремесленники, особенно плотники, для постройки рѣчныхъ струговъ, городскихъ зданий, стѣнъ, церквей и проч.; высылались также для заведенія школъ грамоты и т. д. Высылались также и священники и монахи, а также и высшіе церковныя власти и божественный Соборъ, кромѣ высылаемыхъ правительствомъ переселенцевъ, туда отправлялись и много свѣтлыхъ людей, особенно промышленниковъ-сабровъ. Работая съ этой колонизаціей началось дѣло обращенія туземцевъ въ христіанство и ихъ постепенное об-